Ирина Дуденкова

«Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией

Irina Dudenkova. «Children's question» in sociology: between a normativity and an autonomy

The article examines the problem that was posed with allocation of sociology of the childhood in special sociological discipline. Breaking off with a traditional sociological paradigm of «socialization», children are accepted not to a variable, and to a constant of the sociological analysis. Theoretical and practical difficulties which attempt of new sociology of the childhood to make of the child of the agent of social changes, to challenge naturalness of distinction between adults and children are analyzed. Failures of new sociology of the childhood contact noncritical loan of a conceptual framework and methods of the generational analysis. The author concludes that course of new sociology on «theoretical liberation» of children conflict to anthropological and epistemological preconditions of social sciences. It is the reason of that the research project loses the coherence and influence.

Keywords: sociology of childhood, sociology of age, subjectivity, autonomy, generation, normativity

Рассуждения о детстве в контексте философии и социальных наук отмечены странностью, которую, впрочем, легко объяснить. Исследования, посвященные детству, в отличие от гендерных и геронтологических исследований, до сих пор находятся в поисках не только своего языка, но и объекта.

С одной стороны, опыт нашего собственного детства или наблюдения за взрослением наших детей всегда под рукой. В пользу такой близости свидетельствует исключительно богатый ассортимент мемуаристики и педагогической литературы. Но эта доступность обманчива. Детство остается закрытой страной; его нельзя предъя-

Irina Dudenkova — Associate Professor (Docent), Faculty of Philosophy and Sociology, Institute of social sciences of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Area of scientific interests: philosophical anthropology, ethics, philosophical and sociological theories of recognition, philosophy of childhood, philosophy for children. E-mail: irinafild@gmail.com

вить как первичный феноменологический опыт, потому что на него всегда смотрят взрослым взглядом.

Другая трудность состоит в том, что детство веками мыслилось как объект, который жестко встроен в связку «женщины и дети» или «ребенок в семье». Любая попытка проблематизации детства *самого по себе*, без привязки к профессиональному мнению педагогов, отношений между детьми и родителями, детьми и взрослыми, обречена, потому что происходит мгновенное переключение от *сущности* к *отношениям*. Любопытно, что в таком случае ребенок оказывается то ли идеальным гибридом в смысле Донны Харауэй, то ли субъектом как точкой интенсификации социальных отношений и властных диспозитивов в смысле Мишеля Фуко.

Создается впечатление, что детство и теория не совместимы по онтологическим и эпистемологическим причинам: теоретик — тот, кто всегда смещается в сторону, противоположную детской непосредственности. И здесь уместно вспомнить, что философская антропология нередко прибегает к метафоре второго рождения. Эта метафора предполагает, что человек в отличие от животных никогда не рождается как человек. Он нуждается во втором, социальном и метафизическом рождении, которое производит взрослого. Иными словами, теория в своих основополагающих чертах строится как отказ от детства, детскости и наивности.

Концептуальное отторжение детства особенно характерно для теоретических идеалов Нового времени. В исследовании «Тема ребенка в философии Декарта» Одетт Барберо демонстрирует, что для французского философа человеческие предрассудки объясняются тем, что, прежде чем стать людьми, все прошли стадию детства [Barbero, 2005]. Обращение к детству играет у Декарта существенную роль для обоснования стерильности cogito, опосредует рассуждения о генезисе сознания и языка, моральных вопросах, эмоциональном поведении и в конечном счете сложных отношениях между душой и телом.

Квинтэссенция новоевропейского отказа от детства выражена в ответе на вопрос Канта, «что такое Просвещение?», где «умение пользоваться собственным умом» гарантируется только в совершеннолетии. Становление субъектом, рациональным агентом Кант жестко увязывает с дистанцированием от детства: «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Причина несовершеннолетия по собственной вине заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собст-

венным умом! — таков девиз Просвещения. Леность и трусость — вот причины того, что большая часть людей, которых природа уже давно освободила от чужого руководства, все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами. Ведь так удобно быть несовершеннолетним!

Если у меня есть книга, мыслящая за меня, если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою, и врач, предписывающий мне такой-то образ жизни и т. п., то мне нечего и утруждать себя. Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить; этим скучным делом займутся вместо меня другие. То, что значительное большинство людей (и среди них весь прекрасный пол) считает не только трудным, но и весьма опасным переход к совершеннолетию, — это уже забота опекунов, столь любезно берущих на себя верховный надзор над этим большинством» [Кант, 1994, с. 134]. В этом ключевом для новоевропейской философии тексте ребенок фигурирует как антипод автономного рационального субъекта.

Внутри самого словосочетания «теория детства» есть напряжение: теория всегда предпочитает детство чему-то иному. Такая избирательность наводит на мысль, что пространство внутри связки теория/детство не является строго определенным. Неоднозначность избирательного отказа, когда отказ проводится по отношению только к одному базовому объекту, не есть простое утверждение самотождества; внешнее, выставленное за дверь оказывается онтологическим посредником имманентной и самоочевидной истины. Здесь прячется и главное эпистемологическое затруднение, и надежда на решение. *Само теоретизирование, работа по производству различий, совершенно недвусмысленно покоится на различии взрослый/ребенок.* В этом онтологическом различии детству уготована вполне определенная роль по ту сторону субъекта-носителя рационального сознания, инстанции свободного выбора. Детство уже помечено как состояние природное и материальное, объективное, потенциальное и т. д.

Является ли это различие природным? Отнюдь нет, оно само задает рамки нашего понимания природного, данного, материального. Может ли в таком случае существовать *альтернатива предзаданному схватыванию социального смысла детства* — инициации и социализации? Есть ли возможность уклониться от неизбежного нормативного контекста в проблематизации детства, где правильным и образцовым объявляется состояние совершеннолетия? Детство обнаруживается в сложной ситуации, когда условие автономии не может быть выполнено *по определению.* Автономия субъекта познания и действия задается исключением состояний несовершеннолетия, зависимости, доверчивости, непосредственности, которым проти-

вопоставляются независимость, рефлексия, критика. Детство погружено в нормативный горизонт, который является одновременно онтологическим и эпистемологическим пределом. Тем интереснее оказываются новейшие попытки концептуальной репрезентации детства в социологии и междисциплинарном направлении исследований детства (childhood studies). Проведем их критический анализ в свете заданной проблематизации.

Амбиции новой социологии детства

Локк, Руссо, Дьюи, Фрейд, Эриксон, Мид и другие классики обращались к детству как горизонту опыта, в котором скрыты возможности объяснения общества и ситуации человека. Внимание к детству — характерная черта и современного общества, в результате чего мы имеем беспрецедентный уровень сегрегации, защиты, регулирования детства в полном соответствии с идеями развития, идентичности, автономии, вменяемости и т. д. От Дюркгейма до Гофмана для социолога интерес к детству сопряжен с исследованием механизмов социализации, включением в мир взрослых, но не более. Дети не представляют ценности сами по себе, без перспективы превращения в совершеннолетних и дееспособных людей.

На этом фоне идеи Йена Квортрупа, Элисон Джемс, Криса Дженкса и Алана Праута кажутся революционными. Группа американских социологов два десятилетия назад провозгласила эпистемологический разрыв с прежней социологией детства, сложившейся под влиянием теологической традиции, романтических дискурсивных практик, педагогической теории и психологии развития.

Новая социология детства, порвавшая с предпосылками психологии развития и классической рамкой, в которой дети понимаются как будущее поколение взрослых, воспроизводящих социальный порядок, обязана антропологическим и историческим исследованиям повседневной жизни, семейного быта и родительских отношений в духе школы Анналов. Ее расцвет пришелся на вторую половину XX в. Один из ключевых и самых влиятельных текстов в этом ряду — вышедшая в 1960 г. монография Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке».

На обширном материале Арьес показал, что в средневековом обществе просто не существовало детства как особого возрастного периода. Арьес настаивает, что понятие детства возникает лишь в XVII в., и тогда же формируется особая роль ребенка в семье. «В средневековом обществе, которое служит нам отправной точкой, детство не осознавалось как нечто особенное. Это не означает, что на детей не обращали никакого внимания, и они были предоставлены сами себе. Не следует путать восприятие детства с любовью к де-

тям: первое соответствует осознанию особенности этого периода жизни, того, что отличает детей от взрослых, пусть даже и молодых. Подобного осознания не существовало» [Арьес, 1999, с. 59]. В числе причин изменения отношения к детям по Арьесу — новая демографическая ситуация, связанная с совершенствованием медицины, распространение среднего образования, развитие классно-урочной системы обучения. Таким образом, историки сделали первый шаг к денатурализации возраста, отношений между поколениями и перенесли акцент с социализации на социальное конструирование возраста.

Еще один источник идея для новой социологии детства — работы феминистских теоретиков. Именно в феминистской программе раскритикованы естественные семейные отношения и пересмотрены традиционные природные различия. Квортруп прямо признает, что идет по дороге, проложенной гендерными исследованиями: «Так же как переосмысление понятия пола помогло людям лучше понять отношения мужчины и женщины, так и анализ понятия возраста может помочь нам понять отношения детей и взрослых» [Qvortrup, 1991, p. 39]. Заимствуется четырехтактовое теоретическое движение. Первый шаг — критика, основанная на моральном пафосе несправедливости, дискриминации. Второй — проблематизация предзаданных понятий, в которых социальные отношения зафиксированы в качестве естественных. Третий шаг состоит в переопределении ключевого понятия, например, пола, в случае с феминизмом. И, наконец, четвертый ставит политическую задачу изменить социальный status quo и общественное мнение с учетом новых идей.

Амбиция новой социологии детства состоит в том, чтобы нивелировать различие между ребенком и взрослым как всего лишь социальное. Рамку нового исследовательского ракурса задали номера междисциплинарного журнала «Childhood». В первых номерах от 1996 г. сформулированы три основополагающих принципа. Во-первых, детство является политическим и культурным конструктом, а не естественным феноменом. Во-вторых, дети выступают акторами в социальном пространстве, но не пассивными объектами воспитания (дети — «социальные акторы, которые играют с собственной репрезентацией» [Prout, 2005, p. 30]). В-третьих, декларируется концептуальное освобождение детей. Оппозиция взрослые/дети провозглашается теоретической ловушкой, навязанной философией эпохи модерна. «План наблюдения за опытом детства не отвечает современным идеалам» [Ibid., p. 36]. Квортруп и другие исследователи серьезно обсуждают возможность «дать голос ребенку», сделать его полноценным участником исследовательской работы.

В результате исследования детства (более широкий междисциплинарный проект, ядром которого является социология детства) сближаются с исследованиями недееспособности (disability studies) в интерпретации своего объекта через маргинализацию, институциализацию, фамилизацию. Дети, как и инвалиды, занимают в обществе маргинальное положение, их институциализация протекает в рамках образовательной системы. Дети, как и инвалиды, умаляются в правах, потому что признаются зависящими от взрослых и здоровых людей. Оба исследовательских проекта предлагают ревизию представлений о норме, компетентности, независимости и зависимости и предлагают собственную эпистемологическую программу (в случае социологии детства — см. [Prout, James, 1990]).

Трудности программы концептуального освобождения детей

В достаточно бедной понятийной базе социологии детства в качестве инструмента анализа активно применяется понятие поколение [Qvortrup, 1991; Mayall, 2001]. Однако его применимость кажется спорной.

Мангейм определяет поколение как тип общественного положения совокупности индивидов, которое «исключает целый ряд потенциально возможных видов мышления, жизненного опыта, чувств и поступков и ограничивает возможности самовыражения индивидуума совершенно определенными рамками», в то же время ему внутренне присуща «тенденция формирования специфического типа поведения, чувств и мышления» [Мангейм, 1998, с. 19]. Основные черты поколения предопределены тем, что индивиды родились примерно в одно и то же время и испытали влияние одних и тех же исторических событий. Однако поколение формируется лишь в том случае, если у возрастной группы вырабатывается поколенческий стиль или энтелехия поколения, т. е. система интерпретации окружающего мира и способы действия в нем. Таким образом, по выражению Б. Дубина, «в самом общем смысле поколение можно представить как форму (тип) *социальной связи* и фокус *символической солидарности*: это нормативная рамка воображаемого соотнесения с другими „по горизонтали“ — такими же, как „ты“. Уже здесь видно, что в категории «поколений» соединяются: представление о границах *одного* поколения (фиксация общей нормы социального и культурного, значимого опыта, типовых реакций и проч.); способы перехода *от поколения к поколению* (фиксация устойчивости передаваемых образцов, но едва ли не прежде всего — смены

норм, в том числе сбой самого *механизма* трансмиссии)» [Дубин, 2002, С. 2].

Иными словами, понятие поколения объединяет три аспекта. Во-первых, хронологический, и в этом случае оно мыслится как единица временной периодизации жизни общества. Во-вторых, собирательный, когда поколение мыслится не как временная единица, а множество людей одинакового возраста. В-третьих, важнейшим представляется аспект единства — энтелехия поколения или символический фокус.

Однако поколенческий анализ представляется спорным инструментом применительно к детству. У детства нет четкой привязки к истории, его границы проблематичны, наконец, сильной натяжкой можно считать гипотезу о наличии у детей фокуса символической солидарности. Главным препятствием для некритического заимствования является телеологическая нагруженность понятия поколения, тонко подмеченная Мангеймом. В результате поколенческий анализ сбивает социологию детства на дорогу, проторенную педагогикой и психологией развития.

Общим местом для социологии детства и исследований детства является политическое по своей тональности требование услышать ребенка, дать ребенку голос. Часто это делается посредством цитат, собранных в полевых исследованиях и введенных в отчеты. Но являются ли такие отчеты действительно детскими голосами? Очевидно, что место кавычек, выбор и анализ проводится взрослыми исследователями. Именно они определяют содержание и форму детской речи, часто представляя этот голос дословно и предлагая ему интерпретацию. Этот известный сюжет постструктуралистских дискуссий об аутентичности и субъективности, выстроенных через отношения власти и знания, вызывает вопросы о роли исследователя в репродуцировании этих отношений. Метафора голоса может воспроизводить соглашения, которые маргинализуют детей. Голос — это собственность рационального, осведомленного человека, способного говорить от первого лица и отвечать за свою речь. Кроме того, концентрация на привилегии голоса игнорирует другие формы общения, например, детский смех в ответ на вопросы исследователя. Иные свидетельства о детстве (рисунки, ролевые игры) также с трудом поддаются упорядочиванию с позиций целеполагания и каузальности. «Зачем ходят дети в „страшные места“? Что происходит, когда они сидят в своем «штабе»? Чем привлекательна свалка? Каков смысл детских секретов и тайников? Почему дети так любят кататься с ледяных гор? Отчего детям нравится играть в одних местах и не нравится в других?» [Осорина, 2000, с. 8] Эта особость социологии детства вытекает из эпистемологического разрыва, о котором мы говори-

ли выше, и связана с невозможностью приписать ребенку статус рационального агента.

В 2000-х годах методологическую проблему привилегии голоса пытались решить, привлекая детей к участию в проектах в качестве исследователей. На практике этот подход, испытанный, например, в рамках британского проекта Young People's Research Network, столкнулся с практическими и теоретическими трудностями. Оказалось, что дети моложе 14 лет не могут получать заработную плату за вклад в исследовательскую работу из-за ограничений законодательства. Некоторые неправительственные организации и общественные фонды пробовали привлекать к исследованиям детей-пользователей социальных сетей, но результаты, как было объявлено, противоречили «строгости и точности поставленных научных задач». Главным же теоретическим препятствием остается нерешенность вопроса, на каком основании дети получают статус эксперта и исследователя. Если ребенок — «эксперт собственной жизни» [Mayall, 2000, p. 250], тогда непонятно, почему индивидуальному опыту должна быть сообщена характеристика универсальности. Если все-таки признать, что для исследовательской работы необходима квалификация, ей должна предшествовать подготовка. В таком случае упускается из виду аутентичность собственно детского вклада, он становится недостоверным. В чем же может состоять *детскость* исследовательского подхода, остается не ясным.

Диффузия и когерентность новой социологии детства

Спустя два десятилетия основания проекта конструктивистской социологии детства можно подвести некоторые итоги. Деконструкция культурной матрицы восприятия и репрезентации детства получила поддержку политического движения в защиту прав детей и нашла отражение в Декларации прав ребенка. В ней отчетливо выражен тренд освобождения детей: различие между ребенком и взрослым сглаживается, подчеркивается их правовое и политическое равенство.

Однако дискуссия вокруг этой декларации породила парадокс из области биополитики, который стал предметом размышлений философа-неокантианца Алена Рено («Освобождение детей») [Renau, 2002] и феминистских теоретиков, изучающих этику заботы [Gilligan, 2004; Tronto, 1994; Nussbaum, 2000]. Парадокс заключается в том, что наше представление о естественном праве зиждется на естественном равенстве телесной организации и на представлении об универсальном разуме. Оба эти принципа являются бесспорными для просвещенного европейца. Однако в случае с ребенком или инвалидом естественное право и идея равенства вступают

в конфликт. Если правовой статус ребенка не отличается от статуса взрослого, это выглядит абсурдным; возникает проблема несоответствия прав и обязанностей. Если же мы ратуем за освобождение детей в духе анархистской педагогической традиции или ультралиберальной критики, тогда рискуем упустить биологическую разницу между взрослым и ребенком. Освобождая его от опеки, мы делаемся нечувствительными к уязвимости ребенка. Хорошо известны издержки ставки на особый правовой статус ребенка как представителя меньшинства: это взрослый инфантилизм, так называемый кидальтизм, когда совершеннолетние люди предпочитают сознавать себя детьми и откладывают принятие жизненно важных решений.

Озвученный парадокс звучит острее на фоне исчезновения четкого разграничения приватного и публичного. В результате приватные отношения, в том числе отношения родителей и детей, становятся все более размытыми. Не будем забывать, что понятие ребенка связывается обычно не только с совершеннолетием, но и с родительством. Однако частная сфера стремительно поглощается публичным пространством. Не надо искать примеры среди медиа-звезд или политических деятелей: пользователи социальных сетей в массовом порядке придают своей частной, в том числе родительской, жизни публичное измерение.

Однако, если в области права конструктивистский и эмансипаторский взгляд на детство восторжествовал, он не смог конкурировать с психологией развития — основной парадигмой, которая до сих пор оформляет теоретический ландшафт современного детства. Так, например, продолжают сохранять свое исключительное значение результаты одной из самых выразительных объективаций детства в позитивистской традиции. Речь идет о так называемом куполе наблюдения Арнольда Гезелла (см. рис. 1). Эксперименты с куполом Гезелла проводились в Йельском университете в середине XX в. [Ryan, 2008, p. 560]. Купол представляет собой камеру, в которой исследователь общается с ребенком и фиксирует его поведение, выступая в качестве стимула и адресата. Чтобы исключить контекстные и личные факторы и соблюсти строгость эксперимента, реакцию ребенка регистрирует внешний наблюдатель. По результатам тестирования детей составлялись таблицы развития, или нормативные резюме, в которых фиксировались стандарты развития.

Нормативные резюме и сегодня в обиходе у педиатров и психологов, на их основе фиксируют естественные стадии раннего развития. Таким образом, на практике нормативистская ориентация легко сбивает эмансипаторский и конструктивистский задор новой социологии детства.

Рис. 1. Купол наблюдения Арнольда Гезелла

Начиная от сетевых сообществ, где происходит обмен родительским опытом, и заканчивая методическими рекомендациями педагогов, ориентация на норму вездесуща: регламентирован сон, составлены графики кормления, изобретена изощренная игровая среда. Сегодня идеи раннего развития популярны как никогда, детство функционирует как полноценная индустрия. Кажется, что конструктивистская социология детства потерпела сокрушительное поражение. Воспитание неизбывно тяготеет к объективации, и она, что парадоксально, только гиперболизируется при попытке ослабить оппозицию *взрослый/ребенок*.

Возникает вопрос, откуда такое тяготение к норме и может ли исследователь ему что-либо противопоставить? Беглая диагностика симптомов позволяет сделать следующий вывод: когда разрушается нормативный горизонт, связанный с подражанием взрослому, нормативный контекст преобразуется. Норма начинает работать в качестве среднего значения, ориентира, полученного эмпирическим путем. Уместно вспомнить, что писала Ханна Арендт о связи детства с навязчивым нормативным контекстом: «Наши надежды всегда связаны с новым, которое каждое поколение приносит с собой; но именно потому, что мы только на этом и можем основывать надежды, мы все портим, когда пытаемся наложить руку на новое, так, чтобы мы, старые, могли определить, как оно будет выглядеть. Именно ради нового и революционного в каждом ребенке воспита-

ние должно быть консервативным; оно должно оберегать то новое, вводить его как нечто новое в старый мир, который, какой бы революционный вид он не принял, с точки зрения следующего поколения всегда уже устаревший и близкий к гибели» [Арендт, 2014, с. 286].

У этого рассуждения есть по меньшей мере два следствия. Во-первых, применительно к революционной социологии детства оно означает, что *«концептуальное освобождение» детства угрожает самой связности исследовательского проекта.* Он перестает быть когерентным, мерцает и рассыпается, поскольку детство предстает попеременно в качестве объекта, субъекта и травматического фантазма. Во-вторых, поскольку норма не может устанавливаться без ее нарушения, без аномалий и патологий, *детство есть залог производства и нарушения норм*. Ребенок сам по себе залог инициативы и новизны, которая предшествует свободе рефлексии и выбора, *поэтому проект социологии детства, произвольно представляющий ребенка субъектом, может считаться обреченным*.

Эмансипаторские интенции новой социологии детства блокируются нововременными эпистемологическими предпосылками. По сути, ревизионистский пафос программы состоит в том, что ребенок может выступать в качестве автономного рационального сознательного агента. Однако прежде чем подвергнуться верификации или фальсификации, этот тезис вступает в неразрешимый конфликт и противоречие с *нормативностью теоретического познания*, для которого умение пользоваться своим умом, задачи критики для производства нового знания оказываются первоочередными. Это — основная причина скудости и бледности теоретического аппарата новой социологии детства, которые прячутся за политической ангажированностью движения за права ребенка и ювенильной юстицией.

Таким образом, детство остается неудобным пробным камнем и для философской антропологии, и для социальной теории. Исключением, может быть, является лишь психоанализ, заслуги которого сознательно выведены за рамки этой статьи. Но и в психоанализе (даже в случае Лакана) детский опыт оказывается фантомным, причудливым травматическим шрамом, который нужно изгладить и нормализовать взрослому. Этим можно было бы удовлетвориться, если бы, кроме собственного детства, у нас не было опыта встречи с детьми, в том числе с собственными. В этом опыте всегда хранится возможность удивительного и уникального и, вероятно, философского.

Библиография

Арендт Х. (2014) Кризис в воспитании. Арендт Х. *Между прошлым и будущим*, М.: Изд-во Института Гайдара: 259–290.

Арьес Ф. (1999) *Ребенок и семейная жизнь при старом порядке*, Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та.

Дубин Б. (2014) *Поколение: социологические границы понятия* (http://polit.ru/article/2002/04/17/474 861/).

Кант И. (1994) *Ответ на вопрос: что такое Просвещение?* Кант И. Собр. соч.: в 8 т., М.: Чоро.

Мангейм К. (1998) *Проблема поколений.* Новое литературное обозрение, (2): 7–47.

Намберини Ф. (2014) *От отца к сыну*, Киев: Дух и літера.

Осорина М. (2000) *Секретный мир детей в пространстве мира взрослых.* СПб.: Питер.

Barbero O. (2005) *Le theme de l`enfance dans la philosophie de Descartes,* Harmattan.

Corsaro W. (1997) *The Sociology of Childhood*, Sage.

Gilligan C. (2003) *In a Different Voice,* Cambridge: Harvard University Press.

James A., Jenks C., Prout A. (1998) *Theorizing Childhood,* Polity Press.

Mayall B. (ed.) (1994) *Children's Childhoods: Observed and Experienced,* Falmer.

Nussbaum M. (2000) *Women and human development: the capabilities approach,* Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press.

Quortrup J. (ed.) (1994) *Childhood Matters,* Aldershot: Avebury.

Prout A. (2005) *The Future of Childhood,* London: Routledge/Falmer.

Prout A., James A. (1990) A New Paradigm for the Sociology of Childhood? A. James, A. Prout (eds) *Constructing and reconstructing childhood: contemporary issues in the sociological study of childhood,* London: Routledge/Falmer: 7–33.

References

Arendt H. (2014) Krizis v vospitanii [Crisis in Education]. Arendt H. *Mezhdu proshlym i budushchim [Between past and Future]*, M., Izd-vo instituta Gaidara: 259–290.

Ar'es F. (1999) *Rebenok i semeinaia zhizn' pri starom poriadke* [The Child and Family Life in the Old Regime], Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta.

Dubin B. (2014) *Pokolenie: sotsiologicheskie granitsy poniatiia* [Generation: Sociological Borders of Concept]. (http://polit.ru/article/2002/04/17/474 861/).

Kant I. (1994) *Otvet na vopros: chto takoe Prosveshchenie?* [Answering the Question: What Is Enlightenment?]. Kant I. Sobr. soch.: v 8 t., M.:Choro.

Mangeim K. (1998) *Problema pokolenii* [The Problem of Generations]. Novoe literaturnoe obozrenie, (2):7–47.

Namberini F. (2014) Ot ottsa k synu [From the Father to the Son]. Kiev: Dukh i litera.

Osorina M. (2000) Sekretnyi mir detei v prostranstve mira vzroslykh [The Confidential World of Children in Space of the World of Adults]. SPb.: Piter.

Barbero O. (2005) *Le theme de l`enfance dans la philosophie de Descartes*, Harmattan.

Corsaro W. (1997) *The Sociology of Childhood*, Sage.

Gilligan C. (2003) *In a Different Voice*, Cambridge: Harvard University Press.

James A., Jenks C., Prout A. (1998) *Theorizing Childhood*, Polity Press.

Mayall B. (ed.) (1994) *Children's Childhoods: Observed and Experienced*, Falmer.

Nussbaum M. (2000) *Women and human development: the capabilities approach*, Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press.

Quortrup J. (ed.) (1994) *Childhood Matters*, Aldershot: Avebury.

Prout A. (2005) *The Future of Childhood*, London: Routledge/Falmer.

Prout A., James A. (1990) A New Paradigm for the Sociology of Childhood? A. James, A. Prout (eds) *Constructing and reconstructing childhood: contemporary issues in the sociological study of childhood*, London: Routledge/Falmer: 7–33.

Renau A. (2002) *La Liberation des enfants*, Paris: Bayard.

Ryan P. (2008) How New Is the «New» Social Study of Childhood? *Journal of Interdisciplinary History*, Spring, 38 (4).

Tronto J. Moral (1994) *Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*, N. Y.: Routledge, Champan and Hall, Inc.